

Владимир КАНТОР

Флоренский, Степун и большевистское имяславие

Имяславие как течение русской мысли возникает в начале XX в. Эти идеи принадлежат весьма давней восточно-христианской традиции – достаточно назвать трактат Дионисия Ареопагита (Псевдо-Дионисия) «О божественных именах» (между 485 и 515 годами), а также поддержанное на Византийском соборе 1351 года положение Григория Паламы об имени Божиим как Божественной энергии. Но меня интересует в данном случае не анализ традиции, а бытование имяславческих идей в конкретной российской культурной ситуации. Ибо налицо, казалось бы, явный историко-культурный парадокс. В стране победили, на первый взгляд, вполне материалистические идеи, связанные с именем Маркса. А тут вдруг вроде бы весьма далекая от современности имяславская тема усиленно разрабатывается в 20-е годы весьма крупными русскими мыслителями. Разобраться в этой якобы несовместимости и показать органическую взаимосвязь имяславия и русского большевизма позволяют несколько весьма важных в методологическом смысле соображений Федора Степуна.

Здесь мы должны ввести весьма важную для имяславия тему магии, магичности слова и имени. В 1909 году, за несколько лет до так называемой «афонской смуты», когда имяславие конституировалось в идейно-религиозное течение, П.А. Флоренский сделал доклад «Общечеловеческие корни идеализма». Доклад был в том же году опубликован. Флоренский доказывал, что внутри любой религиозной доктрины, пока она влиятельна и действует на широкую публику, лежит магическая основа, когда слово наполняется невероятной духовной энергией. Он писал: «Слово кудесника само по себе есть новое творение, мощное, дробящее скалы, ввергающее смоковницу в море идвигающее горой, низводящее луну на землю, останавливающее облака, меняющее все человеческие отношения, все могущее. <...> Слово кудесника сильнее воды, тяжелее золота, выше горы, крепче железа и горючего камня алатыря. <...> Вещее заклятие это судьба мира, рок мира. Да и что такое рок, как ни приговор, как ни изречение, как ни слово, как ни заклятие? <...> Слово кудесника вещно. Оно – сама

вещь. Оно, поэтому, всегда есть имя. Магия действия есть магия слов; магия слов – магия имен»¹.

Именно в контексте этого рассуждения стоит прочесть текст Степуна из его «Мыслей о России» (1927 года): «Конечно, никакой пролетариат в России не властвует, но все же большевики властвуют его именем! А разве имя отделимо от нарекаемой им реальности? Разве оно не составляет одной из наиболее существенных частей ее?»². Вслушаемся: *имя как существенная часть реальности*, не отделимая от нее. Флоренский рассуждал вроде бы о корнях идеализма Платона, первого великого философа европейской культуры, но, разумеется, замах был шире и позволял применить эту методологию и к историческим явлениям и событиям. Именно это и проделал Степун. Известный специалист по проблемам, связанным с философией Флоренского и его окружения, Наталья Бонецкая полагает поэтому, что «платонизм Флоренского почти откровенно трансформируется в демонологию. <...> Магическое мирозерцание, для которого буквально за всем в природном мире стоят живые силы и существа, ему представляется гораздо более истинным, чем позитивистский взгляд Нового времени. <...> В православной Церкви, к которой он пришел сознательно, уже будучи взрослым, приняв затем и сан священника, он видел именно мистериальный институт»³. Не раз, однако, говорилось, что большевики сумели создать свою псевдоцерковь – с апостолами, святыми подвижниками, еретиками, поклонением мощам и пр.

Весь большевизм – это магия слов. Флоренский по сути взывает к дохристианской магической структуре сознания⁴, он же говорит, что для русского народа христианство плотно соседствует с магизмом, более того, воспринимается как род магизма. Именно опора на этот магизм и была у большевиков. Уже са-

¹ Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма // Философские науки. 1999. № 1. С. 111-112.

² Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VIII (Национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянство, философия, интеллигенция) // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 315.

³ Бонецкая Н.К. О филологической школе П.А. Флоренского // Studia Slavica Hung. 37, 1991-92, Budapest. С. 160.

⁴ Не случайно, почти сразу это заметил Бердяев. Вообще, Бердяев считал, что Флоренский отрекся от тайны Христа, от христианского учения как пути к свободе личности: «Самое мучительное и неприятное в книге свящ. Флоренского (“Столп и утверждение истины” – В.К.) – его нелюбовь к свободе, равнодушие к свободе, непонимание христианской свободы, свободы в Духе. Даже слово свобода почти нигде не употребляется. <...> Его религия – не религия свободы, ему чужд пафос свободы» (Бердяев Н.А. Стилизованное православие (о. Павел Флоренский) // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 152).

моназвание «большевики», получившееся случайно, было замечательно использовано в борьбе с оппонентами: большевики – те, которых больше, у которых ума и власти больше. Это отметил как-то Андрей Синявский. Он так же помянул о слове «советы», которые воспринимались, как нечто привычно-общинное, помогающее, и в этом смысле тоже эксплуатировались большевиками, хотя были органом диктатуры. Ленин опирался на лозунги, меняя их соответственно политическому моменту. А лозунги – есть ни что иное как заклинание: «Да будет!» Да и все высказывания Ленина – заклинательны. Вот знаменитая формула: «Учение Маркса всесильно, потому что верно». Логически высказывание бессодержательно, даже тавтологично. Но заклинательно – полно мощи. Для простолюдина такое высказывание вполне убедительно. Вроде есть внутри фразы объяснение посылки («потому что»), хотя это объяснение ничего не объясняет. Не объясняет, но совершает магическое действие: «Да будет!». «Слушая первые ленинские речи, - вспоминал Степун, - я недоумевал: он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно. <...> Лубок как основное стилистическое начало во всем его облике, в стиле мышления и ораторствования был. И эту стилистикой своего лубка он, безусловно, перекликался не только с подлинной мужицкостью, но и с подлинной народностью»⁵. А подлинная народность, как показал тот же Флоренский, базировалась на двоеверии, была преисполнена веры в колдуна, в знахарей, в магию обряда, само христианство, воспринимая как магический обряд.

* * *

«Самая страшная и нравственно неприемлемая сторона большевицкой революции, - утверждал Степун, - это гнусный, политический размен религиозной бездны народной души: апокалипсис без Христа, апокалипсис во имя Маркса. В результате бессмысленный срыв разумного социалистического дела обезумевшую сектою *марксистов-имяславцев* (курсив мой. – В.К.)»⁶. Можно ли так назвать убежденных атеистов? Но вспомним рассуждение Степуна о том, что большевики оседлали иррациональную народную стихию безудержа и большевизма. Чтобы эту стихию оседлать, надо внутренне ей соответствовать. Это простое рассуждение требует, тем не менее, серьезных пояснений.

⁵ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк IX (Национально-религиозные основы большевизма: большевизм и Россия, большевизм и социализм; социалистическая идея и социалистическая идеология. Маркс, Бланки, Бакунин, Ткачев, Нечаев, Ленин) // Указ. соч. С. 341.

Как бы ни относиться к имяславью, нельзя забывать, что это было течением внутри христианства, точнее сказать - православия. По формуле одного из русских имяславцев - А.Ф. Лосева, «имяславие - одно из древнейших и характерных мистических движений православного востока, заключающееся в особом почитании имени Божьего. <...> Имя Божье есть энергия Божия, неразрывно связанная с самой сущностью Бога, и потому есть сам Бог»⁷. А потому, по словам Лосева, когда эта энергия сообщается человеку, в нем также действует Бог. Лосев был уверен, что «в слове и имени – встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия»⁸. Это движение в русской религиозной философии было представлено не только Лосевым, но и наиболее ярким выразителем имяславия - Флоренским. Однако, по мнению современной исследовательницы, это движение шло «за пределы философии, к тому типу сознания, который в Германии осуществился в лице Р. Штейнера»⁹. А штейнерианство, по определению того же Степуна, есть «своеобразная смесь наукообразного рационализма с вольноотпущенной бесцерковной мистикой»¹⁰.

В конечном счете, когда имя подменяет Бога, то вполне можно это имя подменить другим именем и направить на него сгусток энергии верующего народа, которая будет заряжать это имя энергией, а потом народ сам от этого имени (от своей же энергии) будет подпитываться. Так и случилось. «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреду Маркса; но когда люди, мнящие себя врачами, бессильно суеются у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»¹¹. Но бред-то был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями.

А кто мог им противостоять, кто мог понять, что, в сущности, произошло с Россией; и откуда и о чем был ее бред и ее бунт? - задавал вопрос Степун. Дело не в марксизме, как научной теории. Для Степуна совершенно ясно, что к научному марксизму происшедшее в России не имеет ни малейшего отношения.

⁶ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VIII // Указ. соч. С. 328-329.

⁷ Лосев А.Ф. Имяславие // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 53, 59.

⁸ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 25.

⁹ Бонецкая Н.К. Борьба за Логос в России XX века // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 149.

¹⁰ Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Издание второе. (I-II) . Overeseae Publications Interchange Ltd. London, 1990. Т. I. С. 280.

¹¹ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // Степун Ф.А. Сочинения. С. 283.

Не случайно не раз он противопоставлял *коммунистический рационализм* и *большевистское безумие*. А дело было в том, что русская религиозная философия совпала в своих интуициях с атеистическим бунтом. Мало общей с Лениным нелюбви к Канту, в самом Ленине и в большевизме коренилось нечто, отвечавшее программным требованиям националистической православной философии. Социалистическое дело - разумно, считает Степун, а здесь, в России, произошло противное разуму: «Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум»¹². И Ленин не был ученым, каким безусловно был Маркс, Ленин «был характерно русским *изувером науковерия*»¹³. В том, что рационализм Ленина не был научным, Степун был уверен, не раз говоря, что на самом деле тайным учителем большевиков были не Маркс с Энгельсом, а Фридрих Ницше с его «волей к власти», «философствованием молотом» и заклинательной стилистикой его текстов.

Более того, его «научообразный рационализм», как и у Штейнера, подпитывался религиозными силами России, которые не стали здесь пока до конца фактом христианской культуры. И русская религиозная философия этому не способствовала, ища *христианский смысл бытия* в мифологических интуициях народного язычества. В русской душе, считал Степун, нет духовной устойчивости, но отчетливо прослеживается тесная связь «русской религиозности с некультурностью России. Нельзя, конечно, говорить ни об убожестве, ни о варварстве русской философии, но нечто аналогичное убожеству русского пейзажа и варварству русского хозяйства в русской философии все же есть. Эта аналогия, думается мне, заключается в отрицательном отношении к началу формы и дифференциации. В специфически русской религиозной философии есть та же самая неряшливость, что и в русском земельном хозяйствовании»¹⁴.

Дионисий Ареопагит писал в своем трактате «О божественных именах», что имена выражают мистический опыт общения человека с Богом, но при этом зло не имеет сущности, а потому имя его тоже лишено сущностной силы. Но так ли это? История всегда пила из черепов убитых. А XX век доказал возможность - даже внутри вроде бы ориентированной на технический и гуманитарный прогресс цивилизации - массовых убийств, бесцельных и бессмысленных. Так, по

¹² Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Там же. С. 386.

¹³ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк IX // Там же. С. 347 (курсив Степуна).

¹⁴ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VIII // Там же. С. 327.

словам современных историков, Первая мировая война, перевернувшая европейский мир, по сути, была бессмысленна, ибо страны не имели друг к другу даже территориальных притязаний. Именно эта война разрушила многие ценности европейской культуры XIX века. Почему же, если зло не несет сущностной силы? Что произошло?

Вспомним о гениальной интуиции Флоренского. А он писал, что в основе мира и имени находится магическая сила, в том числе и в основе церкви. Что же будет, если падает вера в Бога? Остается магия. А это сила, не просветленная Богом, сродни дьяволизму. Христианская вера упала почти внезапно. Для двоеверной России, где церковь и колдун, как полагал Флоренский, просто разные департаменты, где русский мужик равно верит и священнику, и колдуну, это было особенно опасно. Степун писал: «Всякий добрый европеец, не верующий в Бога, далеко еще не безбожный человек; в нем в той или иной степени <...> всегда живы вера: вера в нравственность, в право, в культуру, в науку, во все ризы отрицаемого им Божества. Народная же Россия всем этим верованиям всегда была чужда. Никогда не верила она ни в науку, ни в право, а всегда только в Бога. <...> Революция – и в этом ее последний метафизический смысл – была мгновенным падением, внезапным, хотя и *многими процессами подготовленным* крушением народной веры. Некультурность же, нерасчлененность, неоформленность народного сознания не позволила задержаться на вере в "ризы". Вера в *нагого* Бога сразу, почти без перерыва, как плюс бесконечность на минус бесконечность, перешла в *голое* циническое безбожие»¹⁵. Но наружу выступает не просто безбожие, а в чистом виде магическая сила.

Впрочем, эту ситуацию предсказал в своих гениальных «Трех разговорах» еще Владимир Соловьев. Он рассказал в этом трактате, как усилиями сверхчеловека (вспомним Ницше) была образована всемирная империя, в которой прежде Соловьев видел противоядие против национализма, но теперь что-то вдруг стало смущать его. Нет, он не стал сторонником национализма, просто увидел иные опасности. Давайте вчитаемся в текст монаха Пансофия. Поначалу антихриста провозглашают императором европейских соединенных штатов, а затем «повсюду вне Европы, особенно в Америке, образовались сильные империалистские партии, которые заставили свои государства на разных условиях

¹⁵ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VIII // Там же. С. 322-323.

присоединиться к европейским соединенным штатам под верховною властью римского императора. Оставались еще независимые племена и державцы кое-где в Азии и Африке. Император с небольшою, но отборною армией из русских, немецких, польских, венгерских и турецких полков совершает военную прогулку от восточной Азии до Марокко и без большого кровопролития подчиняет всех непокорных. Во всех странах двух частей света он ставит своих наместников из европейски образованных и преданных ему туземных вельмож. Во всех языческих странах пораженное и очарованное население провозглашает его верховным богом. В один год основывается всемирная монархия, в собственном и точном смысле»¹⁶.

Как видим, происходит то, что вселенский император, владыка всемирной монархии, принимает языческое поклонение себе как верховному богу, а, стало быть, выступает как «князь мира сего», или, если воспользоваться словами самого Соловьева из его раннего трактата «София», является «как принцип (или принц) мира сего или века сего, <...> Сатана, дьявол»¹⁷. Характерно, что верным спутником вселенского императора становится *маг* Аполлоний, которого делает кардиналом послушный императору католический папа. Но здесь упрек не католичеству, а человеческой слабости¹⁸, ибо преемником слабовольного папы становится кардинал-итальянец, под именем Петр Второй, твердый в своей вере, как камень, который и предаёт антихриста анафеме, погибая как герой от рук мага Аполлония. Хотя первым угадывает в императоре антихриста русский - старец Иоанн, тоже убитый магом.

Интересно, что близкую, похожую эволюцию отказа от христианства проделали и немцы. Факт вроде бы известный. Но не очень обращалось внимание, что отказ нацистов от христианства сопровождался не просто откатом к германскому древнему язычеству, но именно к его магическому наполнению. Магия как бы дала бой христианству и победила его. Именно в этой борьбе с христианством Гитлер ударил по корню христианства – по евреям. При этом

¹⁶ Соловьев В.С. Собр. соч. В 10-ти тт. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», б.г. Т. 10. С. 204.

¹⁷ Соловьев В.С. София // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20-ти тт. Т. 2. М.: «Наука», 2000. С. 123.

¹⁸ Вряд ли бы Соловьев согласился со словами русского разочарованного католика, своего полного тезки, В.С. Печерина, который писал уже в 70-е годы: «Западной Европе предстоит важный религиозный перелом. Мне кажется, я уже слышу предсмертный бред католицизма» (*Печерин В.С. Замогильные записки (Apoloigia pro vita mea)* // Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников. М.: Московский университет, 1989. С. 288.).

существенно, что тип молитвы, рожденной в Ветхом Завете, полностью отвергал сам тип магического заклинания. Об этом замечательная статья Ойгена Розенштока-Хюсси «Гитлер и Израиль, или О молитве», где он прямо пишет: «Молитва разрушает заклинания»¹⁹. И поясняет: «Евреи боролись против <...> раболепия по отношению к календарному заклинанию, поскольку их календарь поставил на место событий в природе события в истории. Пасха перестала быть "весенним" праздником, Суккот не был праздником урожая»²⁰. Бессознательное, подсознательное – обращение к этим силам сродни магизму. Молитва разумна: «Заклинатель отождествляет волю аудитории с божественной волей, тогда как подлинная молитва отделяет их друг от друга»²¹. И Розеншток-Хюсси констатирует: «Воля Гитлера и воля его бога до тошноты одинаковы. Великое искусство красноречия свело Гитлера с ума. Поскольку он обладает привилегией выступать с речами, воспламенять массы, он заклинает. И таким образом он парит как дух, вышедший из бездны язычества, дух из того времени, когда Бог еще не тронул уста Израиля своим раскаленным углем»²². Антисемитизм Флоренского, кстати сказать, был замешан, как мне кажется, как раз на том же: на защите магизма от разума и иудейского понимания молитвы.

* * *

Вопрос Степуна был прост: «почему русский мужик был наречен русской революцией пролетарием, пролетарий – сверхчеловеком, Маркс пророком сверхчеловечества и почему вся эта фантастика одержала в России такую страшную победу над Россией»²³?...

В словах Флоренского я вижу ответ на этот вопрос: «Речь шла о социальной значимости имен, поскольку они служат точками приложения известных верований и убеждений народов: может быть, имена и ничто, но их признают народы за нечто и в силу этого признания имена ведут себя в жизни общества как некие фокусы социальной энергии; пусть эти фокусы мнимы, но для глаза, видящего их, и мнимые, они вполне равносильны фокусам действительным»²⁴. Недаром псевдонимы большевиков и околоревизионистской литературно-

¹⁹ *Розеншток-Хюсси Ойген*. Гитлер и Израиль, или О молитве // *Розеншток-Хюсси Ойген*. Бог заставляет нас говорить. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 1998. С. 190.

²⁰ Там же. С. 191.

²¹ Там же. С. 187.

²² Там же. С. 183.

²³ *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк VIII. // Указ. соч. С. 317.

²⁴ *Флоренский Павел, священник*. Имена. «Купина». 1993. С. 46.

художественной богемы были вполне заклинательны: Сталин (это же *сталь*), Каменев (тверд, как *камень*), Молотов (*молот* – символ пролетария-революционера), Горький, Бедный, Скиталец, Багрицкий, Луначарский. (Любопытны реальные фамилии некоторых, тоже говорящие немало: так настоящая фамилия Максима Горького – *Пешков*, а Демьяна Бедного – *Придворов*). Этой же цели – внушения новых смыслов – служило и переименование городов: Ленинград, Ленинанкан, Сталинград, Сталинобад, Калининград или еще проще - Киров, Орджоникидзе, Горький, Молотов, Калинин, где даже слово «град» отсутствовало. Эти имена городов входили в песенные шлягеры: «Над городом Горьким, / Где ясные зорьки...»

Маяковский, самый магический, лозунговый поэт той эпохи, умевший в эти лозунги вложить всю страсть души и заклинательно-магическую силу, очень чувствовал силу и действенность того или иного наименования:

«Пролетариат –

неуклюже и узко

тому,

кому

коммунизм – западня.

Для нас

это слово –

могучая музыка,

могущая

мертвых

сражаться поднять.

(«Владимир Ильич Ленин», 1924)

Эту ситуацию магического значения *новых слов* еще в 1905 году, после первой русской революции, увидел уже Бердяев: «Теперь более чем когда-либо развивается культ громких слов, какое-то лакейство перед такими звуками, как "пролетариат", "народ", "революция", "восстание" и т.п. И до патологических размеров доходит потребность лежать на брюхе перед кумирами и всякими подобиями на земле. Не привыкли к свободе»²⁵. Но слова эти утверждались в жиз-

²⁵ Бердяев Н.А. Революция и культура // Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: «Высшая школа», 1993. С. 256.

Впервые
 перед толпой обалделой
 здесь же,
 перед тобою,
 близ –
 встало,
 как простое
 делаемое дело,
 недостижимое слово
 «социализм»

(«Ленин с нами», 1927)

Поэтому в России произошла невероятная вещь. Народ, не теряя, так сказать, «психологического стиля своей религиозности», то есть сочетания фанатизма и двоеверия, обрядоведения и магизма, подкрепленного невежеством и неумением разумно подойти к церковным догматам, изменил вдруг вектор своей веры, точнее, отказавшись от христианства, остался при первобытной магии, которую нашел в декретах большевиков. Он отдал свою веру большевикам - атеистам и безбожникам. И потому, как пишет Степун, «все самое жуткое, что было в русской революции, родилось, быть может, из этого сочетания безбожия и религиозной стилистики»²⁸.

Надо сказать, что когда магия ушла из слов, которыми пользовались в начале XX века большевики, и слова эти стали, пользуясь выражением Флоренского, «скорлупой, шелухой мысли»²⁹, то с этой шелухой начал играть отечественный постмодернизм, воображая себя борцом со страшной идеологией. В результате мы получили постмодернистскую идеологию, то есть шелуху вместо магии, но столь же далекую от реальных ситуаций жизни.

²⁸ Степун Ф. Мысли о России. Очерк IV // Там же. С. 349.

²⁹ Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма. С.112.